

Я
ВОЗНЕНАВИЖУ
ТЕБЯ
СЕГОДНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лили Харт

Я возненавижу тебя сегодня

«Автор»

2026

Харт Л.

Я возненавижу тебя сегодня / Л. Харт — «Автор», 2026

АРИЯ испортила ему один вечер. Он решил испортить мне жизнь. Кастиэль Асторн привык быть первым, но я не даю ему это чувство. Он называет меня оленёнком. Кажется, ему нравится, когда я злюсь. Хуже всего то, что я начинаю ждать его появления. КАСТИЭЛЬ Она должна была просто извиниться. Теперь одного извинения мне мало. Арабелла Вель кажется хрупкой, пока не открывает рот. Она отказывается играть по моим правилам. Значит, я испорчу ей жизнь. Я хотел, чтобы она думала обо мне. Теперь я не могу перестать думать о ней. Для Ари выпуск из Нортклиффа и контракт в ледовом шоу — шанс наконец перестать зависеть от отца. Но случайное столкновение на вечеринке привлекает внимание человека, который слишком болезненно воспринимает отказы. Кастиэль вмешивается в её жизнь, а неприязнь постепенно уступает место чувствам, которым страшно дать название. Пока они учатся доверять друг другу, интересы их семей сближаются по другой причине. И то, что Ари расскажет ему, может обернуться против неё.

© Харт Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Ари	8
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лили Харт

Я возненавижу тебя сегодня

Пролог

23:14 | Четверг, 12 ноября 2026 | Нортклифф, элитный корпус М2, третий этаж | +6 °С, дождь с ветром.

— Меня слышно?

— Слышно.

— Тогда почему молчишь?

Потому что я бы предпочёл оказаться где угодно, лишь бы не отчитываться перед тобой.

Ловлю себя на мысли, что это, наверное, одна из немногих вещей, в которых мы с братом похожи, когда дело доходит до разговоров с отцом. Девяносто девять процентов из них заканчиваются одинаково: он либо упрекает нас, либо о чём-то просит. Хотя тут больше подошло бы слово «приказывает». Это утомляет. И это совсем не то, что я хочу слышать от него каждый раз.

Я смотрю на его макушку через экран ноутбука. Он совсем не меняется, разве что седины с каждым звонком будто прибавляются. Ну конечно, попробуйте управлять целой компанией и воспитывать двух сыновей, один из которых балбес. Это по его словам.

За его спиной всё тот же кабинет, который я привык видеть: тёмное дерево, ровные корешки папок на полке и окно во всю стену, за которым город, по которому я немного скучаю. В Нью-Йорке сейчас шесть вечера.

— Я спросил, как учёба.— Он даже не поднимает головы от документов.

Откручиваю крышку бутылки и делаю медленный глоток, тяну время. Знаю, что его это раздражает.

— С учёбой всё нормально.

— А что говорит тренер?

— Доволен. Вроде как.

— «Вроде как»?

Ну конечно. Из всего ты услышал только это.

Отец поднимает на меня взгляд исподлобья, поправляет очки и снова утыкается в бумаги, будто я больше не стою его прямого внимания. Закручиваю крышку, откручиваю, пластик противно щёлкает под пальцами.

— Брат с тобой?

— Нет.

— Опять не берёт трубку. Поговори с ним.

Ага. Сейчас брошу всё и пойду его воспитывать.

— Передам.

Он кивает, сразу переходя к тому, ради чего позвонил.

— Ты виделся с ней на этой неделе?

Опять.

В прошлый раз я упомянул её между делом. Одной фразой, просто чтобы заполнить паузу. А он не забыл.

— Пару раз.

— Она рассказывает тебе о себе?

— Это то, что тебя действительно интересует?

Он ненавидит, когда на вопрос отвечают вопросом. Я часто пользуюсь этим трюком, чтобы вернуть его интерес к себе. Всегда работает.

Отец вздыхает так, будто я утомил его одной фразой, снимает очки и смотрит прямо в камеру.

— Ответ на мой вопрос, сын.

Дождь лупит в окно. За два года здесь я так к нему привык, что уже не замечаю. Брат час назад ушёл «в зал». Не понимаю, зачем он каждый раз врёт, если я и так знаю, где он ходит.

— Иногда что-то говорит.

— Об отце?

— Она не очень любит о нём говорить. Они не близки.

— Это я и так знаю. — Он морщится. — Что-то ещё?

Он явно разочарован, и это бьёт сильнее, чем я ожидал. Пальцы стучат по столу. Раз, два, три. Я сжимаю руку в кулак.

— Она хочет работать после выпуска, но не в его компании. Ледовое шоу какое-то. Собирается вернуться в Нью-Йорк, но жить отдельно.

— Какое шоу?

— Не вникал.

Вникал. Даже название помню.

Теперь отец выглядит заинтересованным и наклоняется к экрану.

— И отец ей это позволит?

— Не то чтобы она собиралась спрашивать.

На его лице появляется та самая улыбка, которая говорит, что теперь он доволен тем, что слышит.

— Но обучение ей оплачивает он, да?

— Да. Поэтому она и хочет стать независимой. Говорит, её держат на коротком поводке.

— Она тебе доверяет. Интересно. — Он надевает очки, берёт ручку и что-то пометает в документе. — С кем из семьи она сейчас общается?

— С сестрой. По её словам, они часто созваниваются.

— Хорошо.

Между нами повисает пауза. Он продолжает писать, а я сжимаю бутылку, и пластик хрустит в кулаке. На секунду я начинаю сомневаться, что поступаю правильно.

За такие мысли хочется влить себе пощёчину. Дочь человека, который собирается отобрать у нас компанию, должна вызывать у меня только жалость и отвращение. Жалость — потому что она считает себя свободной, пока её контролируют. Отвращение — за семью. Не больше.

— Слушай, а зачем тебе это?

— Её семья принимает решения, которые касаются нашей компании. Тебе не нужно вникать в детали.

— Так поговори с ними напрямую.

— Я и говорю. — Он делает глоток кофе из кружки. — А сейчас говорю с тобой. Ты правильно сделал, что сказал мне. Держи меня в курсе и дальше.

— Ладно.

Все сомнения мгновенно растворяются. Я откидываюсь на спинку кресла, и плечи расслабляются сами собой. Даже не замечал, что всё это время сидел напряжённый, как на скамейке запасных.

— Молодец.

Может ли одно слово приносить физическое удовольствие? Да. Похвала отца всегда ощущалась как победа: чувство удовлетворения разливается по всему телу. Если бы брат это услышал, подавился бы от зависти. Хотел бы я посмотреть на его сморщенную физиономию.

Рядом с ноутбуком загорается телефон. Уголок рта дёргается сам собой.

— И ещё. — Голос отца выдёргивает меня из мыслей, и я поднимаю глаза. — Она ведь не знает, что ты обо всём рассказываешь мне?

— Конечно нет.

— Отлично. Пусть так и остаётся. Брату тоже ничего не говори.

— Почему?

— Потому что я так сказал. Доброй ночи, сын.

Весомый аргумент.

Экран гаснет, и в чёрном мониторе на секунду мелькает моё лицо. Захлопываю ноутбук раньше, чем успеваю его разглядеть.

Открываю переписку и набираю ответ.

«**Жду**».

Под сообщением почти сразу появляются три точки.

У входной двери пищит замок.

Вот и вернулся блудный сын.

Глава 1

Ари

23:51 | Пятница, 25 сентября 2026 | Нортклифф, бар «Маяк» | +9 °С, морось

Мой вечер должен был сложиться по-другому.

Я должна была остаться в тёплой комнате, завернуться в плед и порисовать под сериал, который никак не могу досмотреть. Или разобрать запись программы, которую мне советовала Айла. Или просто поболтать с Лией.

Но эта Ава. К чёрту её.

Из-за неё я сейчас стою перед самым самодовольным придурком, которого когда-либо видела, и пытаюсь сдержать себя от того, чтобы не врезать ему по морде. Хотя я и сама согласилась пойти, виновата всё равно она.

Эмоции берут верх, но логику я ещё сохраняю и раздувать конфликт не хочу. Пока что. Если он скажет ещё какую-то ерунду, я за себя не ручаюсь.

Я собиралась выпить один коктейль, максимум два, уйти к одиннадцати и выспаться перед тренировкой. Вот и весь план. Простой и выполнимый.

А в итоге влипла в очень большие неприятности.

— Извинись. Ты хоть знаешь, кто я?

Он говорит это так, будто я официант, который принёс ему не то блюдо, а он клиент, который всегда прав.

Я впервые слышу, как звучит голос человека, который захочет меня уничтожить.

Но сдаваться я не собираюсь.

— • —

21:07 | Пятница, 25 сентября 2026 | Нортклифф, общежитие Ж1, комната В-214 | +11 °С, ветер с моря

Тремя часами ранее.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала!

— А мне и не надо знать, что ты скажешь. Ты стоишь с двумя платьями, и я уже всё понимаю.

Ава в ответ трясёт вешалками, как красной тряпкой перед быком. Одно платье чёрное, другое розовое. Ну конечно.

— Чёрное для тебя, — говорит она. — Видишь? Я уважаю твой траур по личной жизни.

— Мой? — Я чуть не давлюсь смешком. — А что насчёт Лии?

— А меня сюда не вмешивайте, — сразу отзывается Лия от своего стола.

— Лия — тяжёлый случай, я даже больше не пытаюсь. — Ава вздыхает.

Я не поднимаю взгляда от скетчбука, продолжая выводить линии на мини-версии Авы. Когда хочется порисовать, но идей нет, я просто цепляюсь за любое, что вижу. Сейчас жертвой стала Ава.

— О, ты меня рисуешь? — Подруга заглядывает за плечо, пытаясь разглядеть рисунок. — Я красивая там? Другую не рисуй!

— Аврора Уитмор, ты загораживаешь мне свет.

— Фу, Ари, не называй меня так.

Она плюхается рядом, и старая кровать стонет под её весом. Её рука бесцеремонно тянется к скетчбуку, чтобы полистать, но я не больно шлёпаю её по руке.

— Не трогай, я же просила.

Выходит резче, чем я хотела, и Ава поднимает обе ладони в примирительном жесте.

— Ладно-ладно.

— Прости. — Я прижимаю скетчбук к коленям. — Там недоделано ещё, не люблю, когда смотрят на это.

Ава лишь улыбается и отмахивается. Она никогда не обижается на меня или Лию, и иногда это бесит меня. Как можно быть настолько идеальной?

Моя кровать стоит в дальнем левом углу, в самом тёмном в комнате. Я выбрала его сама на первом курсе и ни разу не пожалела. Отсюда видно всё: Лию у окна и половину Авы, где розового больше, чем во всём общежитии. Иногда мне кажется, что к выпуску розовый тоже станет моим любимым цветом.

— Лия, — зовёт Ава. — Скажи ей.

— У неё завтра тренировка в семь, — отвечает Лия, даже не оборачиваясь.

Она сидит за своим столом у окна, один наушник в ухе, очки съехали на кончик носа, а на экране ноутбука что-то зелёное. Код или таблица. Другого варианта не дано.

— У тебя, кстати, тоже рапира в девять. — Ава тычет в неё пальцем.

— Ага. Поэтому я и не иду.

— Ты почти никогда не ходишь! Вы обе невыносимые. — Ава валится спиной на мою подушку и смотрит в потолок. — Да ладно вам, это последний год. Потом мы будем скучными взрослыми женщинами с ипотекой.

— Ты? Скучная женщина с ипотекой? Тебе никогда не светит ничего из этого.

Лия права. Если мы с ней теоретически и могли бы когда-нибудь залезть в ипотеку, то у родителей Авы достаточно денег, чтобы этого не делать.

Я фыркаю, и Ава мгновенно садится и показывает на меня пальцем.

— Ещё и смеётся надо мной!

Она встаёт с кровати, выпрямляет спину, задирает подбородок и скрещивает руки за спиной, одна бровь ползёт вверх.

О нет. Я сразу узнаю эту позу.

— «Мисс Вель». — Голос падает на две октавы. — «Вы прыгнули прекрасно, но где душа? Душа, мисс Вель. Я не чувствую искренности».

Айла Торн, мой тренер. Один в один.

Я утыкаюсь лицом в скетчбук и смеюсь так, что начинают болеть скулы. Лия разворачивается на стуле в нашу сторону с улыбкой.

— Неплохо.

— Спасибо. Я репетировала в душе.

Ава кланяется, а я вытираю уголки глаз.

Ладно. Ладно.

Лёд в семь, будильник в шесть, а это значит, что я уже опаздываю со сном. Но завтра суббота, а по субботам Торн сначала разбирается с младшей группой и до меня доходит только к восьми. Первый час я могу катать сама. И он мне нужен: до подачи заявки два месяца, а программа до сих пор разваливается.

— Кто там будет?

Ава чувствует слабину, как акула кровь, и садится обратно, подбирая под себя ноги.

— Да как всегда, половина кампуса. Ну, может, я и преувеличиваю, ты же знаешь, количество никогда не угадаешь.

— Час, — говорю я, закрывая скетчбук и кладя его на тумбочку.

Ава визжит так, что в соседней комнате стучат по стене.

— Час! — повторяю я чуть громче. — И я иду в кофте.

— Ари.

— В кофте, Ава.

Она фыркает, но кидается мне на шею, и мы чуть не сваливаемся с кровати. Лия закрывает ноутбук, отодвигает его на край стола и встаёт со стула.

— Я с вами.

— Ты же не хотела.

— Я не хочу. Но кто-то должен за вами следить..

Пока они спорят, сколько сантиметров каблука считается «удобным», я переодеваюсь: джинсы, светло-коричневая кофта и кроссовки. Мой взгляд цепляется за каблуки Авы. Шпилька тонкая, как спица.

— Ты в них не дойдёшь.

— Дойду.

— В прошлый раз ты сломала каблук и шла босиком в минус пять, а ещё натёрла мозоли.

— Не помню такого, а значит, этого не было.

Я достаю из тумбочки упаковку пластырей и кидаю ей на кровать. Ава смотрит на пластыри, потом на меня и улыбается так, что мне хочется закатить глаза.

— Вот видишь. Ты меня любишь.

— Люблю, когда мне не нужно тащить тебя на себе.

Она садится на край моей кровати, закидывает ногу на ногу и утыкается в телефон. Красить ресницы и листать форум одновременно — её личный талант.

— О-о-о, — тянет она. — Опять про Асторнов пишут.

— Мне неинтересно.

— Там тред на двести сообщений.

— Мне очень неинтересно.

— Рафаэль, — говорит она с нажимом, — обещал одной девочке с медиа пойти с ней на Зимний бал. Она уже платье купила, а он сказал, что выбрал другую.

— И что, это новость?

— Это сплетни.

Лия снимает один наушник.

— Это который старший?

— Ага, старший на двадцать минут, если быть точной. Такой громкий, загорелый, с татуировкой на всю руку, карие глаза и улыбка как из рекламы зубной пасты. — Ава загибает пальцы. — А второй, Кастиэль, с девушками вообще не любезничает. Он их, кажется, просто не выносит.

— Это тот, который смотрит на людей как на мебель?

— Вот именно. Девочки его боятся. Ну а кому понравится, когда на тебя смотрят как на мусор?

Лия возвращает наушник на место, но потом вдруг снова вынимает его.

— Ари. Помнишь ту девочку с первого курса? Которая перевелась в ноябре.

В комнате становится тихо на секунду дольше, чем нужно.

— Помню, — говорю я.

Я тогда помогала ей складывать коробки. Не потому что мы были близки, просто я проходила по коридору, а она сидела на полу среди вещей и не могла застегнуть молнию на сумке. Её руки трясло так, что я не смогла не помочь.

Она сказала мне, что на неё поспорили. Кто-то из них поспорил на неё с кем-то ещё, как на лошадь, и весь кампус знал об этом раньше, чем она сама. А на форуме ещё неделю обсуждали, какая она жалкая, кто и сколько поставил.

После этого я её больше не видела в университете.

— Это были слухи, — говорит Ава уже без энтузиазма.

— Она уехала в середине семестра, — отвечает Лия. — Это факт.

Ава пожимает плечами и возвращается к телефону, но тему больше не продолжает.

— • —

23:40 | Пятница, 25 сентября 2026 | Нортклифф, бар «Маяк» | +9 °C, морось

Час превратился в два с половиной.

Лия ушла ровно в одиннадцать со словами «спокойной ночи, идиотки». Я почти ушла с ней, но Ава выдернула меня на танцпол под песню, которую я ненавижу, и потом я осталась ещё на одну, и ещё.

Теперь у меня гудят ноги.

«Маяк» трещит от количества людей. Это старый дом зрителя, который кто-то переделал под бар и танцпол лет тридцать назад.

Их я заметила ещё в десять.

Сложно было этого не сделать, когда толпа у самого входа начала расступаться перед ними, как перед королевской свитой. Хотя разницы практически и нет.

Я предпочитаю держаться от таких людей подальше. Мажоры, которые думают, что имеют власть над всеми и всем только из-за денег, меня не интересуют.

Мой отец такой же.

И, если быть честной, я его совсем не уважаю.

Ладно. Не хочу забивать себе этим голову. Пора возвращаться в тёплую кровать.

Я пишу Аве.

«Я ухожу. Ты со мной?»

Ответ приходит почти моментально.

«Ещё останусь! Меня проводят, так что иди!»

Я наконец нахожу её взглядом, и, кажется, рядом с ней трётся какой-то волейболист. Многие парни носят одежду с символикой своего спортивного дома, так что распознать их легко.

Окей. Он её проводит.

К главному входу лучше не подходить: там очередь в туалет, курильщики и стена людей у бара. Я иду в сторону боковой ниши. За ней узкий проход к запасной двери, а от двери прямо на берег, откуда до общежития минут десять.

Только... чёрт. Какого хрена у ниши толпа ещё плотнее?

Люди стоят полукругом, многие снимают, и сквозь чьи-то плечи я вижу низкий стол с десятью стопками и длинный кожаный диван.

Боже. Опять Асторны. Я сегодня уже наслушалась о них.

Они сидят друг напротив друга, и Раф ухмыляется брату.

На подлокотнике сидит их вечный нянь с таким лицом, будто ему всё это надоело ещё на первом курсе. Йен Дженкинс, чёрные волосы до плеч, кожаная куртка, капитан волейбольной команды. Его многие обходят за километр.

— Правила, — говорит Йен. — Пять шотов. Кто первый выпил последний, тот и победил. Проигравший неделю выполняет желания победителя.

В толпе раздаётся свист, и я на секунду затыкаю уши, чтобы не оглохнуть.

— Ну что, братик, готов неделю стирать мои трусы и делать за меня домашку?

Слова Рафа вызывают в толпе улюлюканье, но Кастиэль лишь закатывает глаза и вздыхает так, будто имеет дело с детсадовцем.

— Тебе что, шестнадцать? Твои желания не меняются, а развитие катится вниз.

Старшего Асторна это никак не задевает, и он показывает ему средний палец.

— Пососи, Кас. Ты вообще затормозил в эмоциональном интеллекте. У камня и то больше эмпатии, да, девчонки?

Женский крик снова бьёт по моим бедным перепонкам, и я не намерена оставаться здесь больше ни минуты. Пусть другие смотрят на это клоуновское представление.

Я начинаю протискиваться вдоль стены. Мне просто нужно дойти до двери. Она прямо за их диваном, метра два, не больше.

— Три, — доносится до моих ушей голос Йена.

— Простите... извините. Можно пройти?

— Два.

— Чёрт... дайте пройти, пожалуйста.

Парень передо мной вообще не двигается. Широкий как дверь.

Ты не прозрачный, чувак, ну отодвинься, а.

— Один.

Толпа взрывается как сумасшедшая.

Сзади люди наваливаются ещё больше, лезут вперёд, чтобы лучше увидеть. Чужая потная и, кажется, мужская рука влетает мне в лопатку. Один толчок, и пол уходит из-под ног. Я даже не успеваю ни за кого ухватиться и лечу на диван.

Боже, если я сломаю себе что-то, это будет катастрофой. Что скажет Айла? Да она добьёт меня и всё равно заставит выйти на лёд.

Руки я всё равно выставляю на автомате. Одна упирается в спинку дивана, а вторая цепляется за что-то твёрдое и горячее.

Плечо. Чужое плечо.

Рука под моей ладонью дёргается, и стопка, которую он уже поднёс ко рту, бьётся о его зубы. Водка выплёскивается ему на водолазку, мне на руку и куда-то на пол.

— Пять! — орёт Рафаэль и с грохотом переворачивает последнюю стопку доньшком вверх. — Я победил! Все видели? Видели же?

Бар ревёт громче, чем раньше, кто-то хлопает его по спине и поздравляет с победой. Йен перестаёт мучить свою зажигалку и захлопывает её.

— Раф победил, — объявляет он. — Чисто.

— Чисто?! — Кастиэль вытирает рот тыльной стороной ладони. — У меня полстопки на груди. Это не считается.

— Это не моя проблема, Кас, — говорит Йен. — В правилах мы этого не обговаривали. Я мгновенно выпрямляюсь и делаю шаг назад.

Валить. Мне срочно надо валить отсюда.

Два метра, и я свободна.

— Стоять.

Приказ.

Он ставит стопку на стол, игнорируя подколы Рафа, и сокращает тот самый шаг, который казался мне спасением.

Он выше меня на голову, если не больше, и я поднимаю взгляд, чтобы встретиться с его.

Эти глаза. Вблизи они действительно завораживают. Зелёный и карий. Такое редко встречается.

— Ты специально это сделала? Не хочешь для начала извиниться, а не сбегать как трусливое животное?

Трусливое животное? Ты, придурок, совсем границ не видишь?

— Меня толкнули.

— Мне плевать, кто тебя толкнул. Ты стояла здесь.

— Я шла к выходу.

— Через наш стол?

Твой стол? Я бы сказала тебе, что тут действительно твой.

— Через проход, который вы перегородили своим диваном.

— Диван стоит тут с открытия бара.

— Так переставьте его.

В толпе кто-то хрюкает от смеха и сразу замолкает. Мои плечи расправляются сами.

— Брат. — Раф уже валяется на диване, раскинув руки по спинке, будто выиграл чемпионат мира. — Её правда толкнули. Вон тот, в зелёной кепке.

Он не мог видеть, как меня толкнули. Но это довольно мило с его стороны. Чёрт, что я несу вообще?

— Где он?

— Свалил уже. — Старший щёлкает языком. — Трус.

Он поворачивает голову ко мне, и я впервые вижу его лицо так близко. Тёплые карие глаза, длинные ресницы и улыбка такая, будто мы знакомы уже сто лет.

Неудивительно, что он пользуется такой популярностью у девушек.

И неудивительно, что одна из них уехала посреди семестра.

— Спасибо, кстати, красotka. Ты лучшее, что случилось со мной за этот месяц.

— Не за что, — я пожимаю плечами. — Но это было не для тебя.

В ответ он лишь смеётся.

— Как тебя зовут, цветочек?

— Не скажу.

— Не скажешь?

— Нет.

— Жестоко. — Он прижимает руку к сердцу. — Но мне нравится это. Бро, она мне нравится.

Кас фыркает и не отвечает, его взгляд прикован ко мне. Уголок его рта поднимается, и это почему-то ощущается хуже, чем если бы он наорал.

— Ты хоть знаешь, кто я?

Зеваки замолкают. Теперь слышна только музыка и крики людей дальше от ниши. Все ждут, что я сделаю. Йен сдерживает смех, и это не облегчает ситуацию.

— Знаю, — уверенно говорю я. — Поэтому и не извиняюсь.

— Прости, что?

Кажется, до него начинает доходить: я всё это время знала, кто он, знала про его репутацию и всё равно разговаривала с ним так.

Боже, какое это приятное чувство — ставить зазнаек на место.

— Что слышал. — Я киваю в сторону Рафа. — И про вас двоих тоже знаю. В прошлом году девочка с первого курса уехала посреди семестра из-за того, что на неё поспорили. Кто-то из вас. Так что извиняться я буду в самую последнюю очередь.

Улыбка Рафа гаснет.

И тут Кас хватается меня за запястье.

На секунду я забываю, как дышать. У него тёплые пальцы и совершенно спокойное лицо.

Потом он наклоняется к моему уху, и расстояние между нами становится микроскопическим. Я даже забываю о том, что на нас вообще-то смотрят. Со стороны это, наверное, выглядит красиво: высокий парень что-то шепчет девушке. Кто-то смеётся, кто-то опускает телефон, потому что ничего интересного больше не будет.

— Я не бью девушек, — говорит он тихо, почти доброжелательно. — Так что хватит дрожать.

От его горячего дыхания на моей коже встают дыбом волосы. Тело предаёт меня раньше, чем я успеваю осознать происходящее.

— Ты извинишься. — Пауза. — Если не хочешь проблем. Будет обидно, если что-нибудь случится и помешает учёбе, да?

Он псих. Он чёртов псих.

— Твоё имя?

Он отстраняется ровно настолько, чтобы посмотреть мне в глаза. Мне стоит усилий не отвести взгляд. Если отведу, он почувствует себя главным и продолжит давить.

— Я тебе его не скажу.

— Ты роешь себе могилу.

— Да ну? А знаешь, в чём твоя проблема? — вырывается у меня.

Мой голос, в отличие от его, тихим не назовёшь. Несколько человек оборачиваются.

— Ты думаешь, что все тебе что-то должны только потому, что у тебя есть деньги и влияние. Но без всего этого ты просто самодовольный индюк с раздутым эго.

Раф ржёт как не в себя. Глаза Кастиэля расширяются, будто он не может поверить, что я действительно это сказала.

Пользуясь его секундной растерянностью, я выдёргиваю руку из его хватки и делаю шаг назад.

— Хорошего вечера. — Я разворачиваюсь и иду к выходу. — Удачной недели.

Последние слова адресованы только ему, и я уверена, что он это понимает.

— Ещё увидимся, красотка! — орёт мне вслед Раф.

— Ещё увидимся.

Кастиэль звучит тише.

Я выскакиваю на улицу и только там позволяю себе расслабиться.

В лицо бьёт ветер с моря, сырой и солёный. Я потираю покрасневшее запястье и делаю первый нормальный вдох за десять минут.

Пустая угроза.

Такие, как он, к утру не помнят лиц. Он проснётся, выполнит какое-нибудь идиотское желание брата и к понедельнику забудет, что я вообще существую. Как не замечал все два года, что мы ходим по одному кампусу.

Я всё-таки оглядываюсь на дверь. Закрыта.

Достаю телефон и пишу Лии: «Иду в комнату. Расскажу кое-что завтра».

Ответ приходит мгновенно, хотя на часах почти полночь.

«Почему я чувствую неприятности даже через сообщение?»

Я фыркаю и убираю телефон в карман.

Тренировка в семь. Это единственное, что сейчас имеет значение.

Глава 2

Кастизль

07:04 | Суббота, 26 сентября 2026 | Нортклифф, элитный корпус М2, квартира близнецов | +9°C, туман

Я всегда всё запоминаю.

Я помню, кто первым научился плавать, кто получил велосипед на день раньше, кого отец позвал с собой в офис в девять лет, а кого оставили дома с матерью, потому что «Кастизлю там будет скучно».

Мне не было бы скучно. Это решили за меня.

Это мелочь. Все это мелочи, и если сложить их, они по-прежнему останутся мелочами. Проблема в том, что для меня это совсем не так.

Раф родился на двадцать минут раньше, и за эти минуты он получил всё: имя деда, отцовское одобрение, строчку первого преемника и право быть раздолбаем, потому что отец на многое закрывает глаза.

Так что да, я помню каждое поражение с пяти лет, и это относится ко многим другим аспектам моей жизни. Меня называют злопамятным. Честно? Мне плевать. Мне никогда не было дела до того, что обо мне думают, кроме отца и матери.

Этой ночью я не смог уснуть. Совсем.

Лежал на спине, смотрел в потолок, и оглушающая тишина давила на черепную коробку. Обычно я не люблю шум, но сейчас предпочёл бы заглушить чем-нибудь нескончаемый поток мыслей в голове. За стеной в четыре утра щёлкнул и включился холодильник, и это был единственный звук за всю ночь, которому я был рад.

Ненавижу чувствовать себя уязвимым.

Я сажусь, спускаю ноги на холодный пол и несколько секунд просто смотрю в серое окно. Туман стоит так плотно, что корпус напротив угадывается только по жёлтым квадратам кухонь.

Водолазка так и валяется у ножки кресла, там, где я её бросил, когда вернулся в комнату. Чёрная, дорогая, и теперь воняет дешёвой водкой. Я наклоняюсь, беру её двумя пальцами, подношу ближе и брезгливо роняю обратно на пол.

Нужно выкинуть.

Всё, что произошло вчера, заняло минут семь. Я прокручивал эти минуты всю ночь, пока не разложил их на отдельные кадры.

После победы Раф придумал мне первое желание: громко, на весь зал, крикнуть «Мой брат лучше меня». По своей воле я бы такого никогда не сказал.

Допустим. Счёт один-ноль.

Мы играем в это с двенадцати лет. Тогда мы поспорили: первый, кто бросит футбол, даёт другому сбрить ему волосы и получает подзатыльник. Детская идиотская сделка, которую ни один нормальный человек не стал бы соблюдать десять лет.

Мы соблюдаем, и мы оба не совсем нормальные.

Так что Раф — это не самая большая проблема.

Проблема в девчонке.

«Ты думаешь, что все тебе должны только потому, что у тебя есть деньги и влияние».

Тридцать человек вокруг, десятков телефонов. Полукруг, который собрался посмотреть, как я ставлю кого-то на место, и остался посмотреть на мое унижение.

«Но без всего этого ты просто самодовольный индюк с раздутым эго».

Счёт два-ноль.

Я сжимаю челюсть так, что щёлкает сустав, и провожу ладонью по лицу.

Там, в баре, я стоял и ждал, что она испугается. Я видел, как у неё дрожат пальцы и как она сжимает кулак, чтобы это прекратить, и был уверен, что мысленно уже закрыл вопрос.

Меня называли хуже, обычно за спиной и в телефонах, и, как я уже говорил, мне на это плевать.

Сейчас мне не плевать, потому что она единственная сказала это мне в лицо с такой уверенностью, будто действительно считает себя правой.

Я тянусь к подоконнику и беру телефон. Экран слепит, и приходится прищуриться.

07:06. Батарея двадцать два процента.

Я открываю университетский форум сплетен. Ларкстоун.

Тред висит третьим в списке, сорок два ответа за ночь. Настоящих имён нет — на Ларкстоуне никогда нет имён, там все умные и все под псевдонимами, и поэтому там пишут то, что в лицо не говорят.

«кто-нибудь объяснит мне, что это вообще было»

«асторны, спор, девочка облила каса и убежала лол»

«видео у кого есть?»

«было, снесли»

«а девчонка-то права. давно нужно было поставить его на место»

Я читаю последний комментарий дважды.

Она не убежала. Она шла к двери уверенно, ни разу не обернувшись. Если бы она убежала, поджав хвост, я бы сейчас спокойно спал и больше не думал о ней.

Мой отец однажды сказал, что репутация — это не то, что о тебе думают, а то, что о тебе повторяют. Он сказал это Рафу, а я случайно услышал из коридора.

Запомнил, естественно, только я.

Я кладу телефон экраном вниз и сажусь на край кровати, упираясь локтями в колени и опустив голову. К понедельнику в этом треде будет около двухсот ответов. Подтянутся ещё идиоты.

Можно было бы оставить эту ситуацию как есть, и это умный вариант. Через неделю будет новая история, через две ещё одна, кампус живёт одной сплетней около недели, потому что здесь постоянно что-то происходит.

Но я не оставлю это так.

Кое-кто должен понять, что за свои слова нужно отвечать.

Я встаю, стаскиваю футболку и иду в душ, по пути обходя водолазку.

Стою под горячей водой и чувствую, как постепенно расслабляются напряжённые за ночь мышцы. Опираюсь предплечьем в кафель, подставляю затылок под струю и перебираю то, чего у меня нет.

У меня нет её имени. Нет курса, программы, дома и расписания. Есть только лицо, которое я два года не замечал.

Я выключаю воду и стою в пару, закрыв глаза и позволяя каплям падать с тела на чугун ванны с глухим звуком.

Я узнаю о тебе всё сам. Мне даже не нужны подсказки.

* * *

08:41 | Суббота, 26 сентября 2026 | Нортклифф, элитный корпус M2, квартира близнецов | +11°C, пасмурно

Я сижу на полу у кровати с ноутбуком на коленях.

Обычно я работаю за столом, с кофе и в наушниках, и это занимает ровно столько времени, сколько я на это отвёл. Сейчас я сижу на полу в одних спортивных штанах, с мокрой головой, и убеждаю себя, что заглянул сюда на минуту и не потрачу много времени.

Начинаю искать не с неё. Начинаю с блондинки.

Её я знаю, потому что она есть везде, как раздражающее насекомое. Открытие сезона, вечер домов, благотворительный аукцион, любая съёмка, где нужен человек, готовый потратить на это целый день.

Аврора Уитмор. Раф «нежно» называет её кроликом и каждый раз делает вид, что не помнит, кто это, хотя днём раньше мог полвечера выяснять, где она будет.

Её аккаунт открыт настежь.

Конечно он открыт. И я уверен, что она ни разу в жизни не подумала, что кто-то будет листать её фотографии не ради неё.

Я начинаю сверху и мотаю вниз, к сентябрю.

Девятнадцатое сентября. На фото кафе, три чашки, Ава снимает себя, брюнетка в очках в кадре наполовину, а в углу — чей-то локоть и рука с краской под ногтями.

Шестое сентября. Пляж, ветер, три девушки сидят на ярко-розовом пледе. Я неосознанно кривлюсь.

Ава в центре. Она всегда в центре, и это не мудрено: светлые волосы, голубые глаза, обязательно что-то розовое из одежды. Она объективно красивая и всегда выглядит уверенно, будто это место придумали именно для неё.

Справа снова та брюнетка. Каре, зелёные глаза, рубашка застёгнута до середины, на коленях чужая сумка. В камеру она не смотрит — смотрит куда-то в сторону и говорит с кем-то.

Не та. Эту трогать не надо.

А вот слева сидит она.

Я замираю, и палец останавливается над тачпадом.

Темно-каштановые волосы, длинные, на ветру лезут в лицо, и она придерживает их рукой у шеи. Светлая кожа, по носу и щекам веснушки, большие карие глаза.

Мелкая. На фоне Авы вообще незаметная, пока не согласишься второй раз.

Она смеётся, запрокинув голову, с открытым ртом, некрасиво и искренне. В следующий раз нужно будет сказать ей, чтобы она больше не улыбалась.

Я смотрю на это дольше, чем нужно, чтобы запомнить лицо.

Листаю дальше. Второе сентября, коридор общежития, три чемодана и подпись: «старые соседки, старая комната, те же проблемы».

Я возвращаюсь к пляжу и открываю список отметок.

Вторая — закрытый профиль. Серая аватарка, ноль подписей, сто подписчиков.

«а.вель».

Вель. Не слышал.

Закрытый профиль мне не нужен. Я сворачиваю вкладку и открываю университетский портал, раздел студенческих проектов. Открытая витрина — её специально сделали такой, чтобы выпускники показывали работы работодателям. Посмотреть может любой.

Я не заходил сюда ни разу за два года, но её нахожу быстро. Графический дизайн, третий курс, четырнадцать человек, четвёртая сверху.

Арабелла Вель.

Я читаю имя три раза. Кто вообще называет ребёнка Арабеллой?

Фотография на странице не портретная. Она катается на льду, в чёрном костюме, снято сбоку и снизу, волосы собраны, лицо наполовину в тени.

Фигуристка.

Я откидываю голову на край кровати и задерживаюсь на этом фото дольше, чем на всей остальной странице. Веснушки, каштановые волосы и глаза, которые слишком большие для такого лица.

Бэмби. Она похожа на нежного, неуклюжего и трусливого оленёнка. Интересно, катается она тоже нелепо?

Я усмехаюсь в пустую комнату, прикусывая нижнюю губу.

Листаю её работы, их двадцать две. Афиши, типографика, что-то для театрального клуба, серия из шести плакатов: одно движение, разложенное по кадрам, от толчка до приземления.

Я ничего в этом не понимаю.

Я вижу только, что сделано ровно, что ни одна линия не висит случайно и что человек, который это делал, переделывал каждый лист по десять раз и, скорее всего, до сих пор считает, что получилось плохо.

Перфекционистка. Это удобно.

Внизу страницы строчка, из-за которой я перестаю листать.

«Визуальное оформление Недели основателя, Нортклифф, 2026. Победитель внутреннего конкурса студсовета».

Я очень медленно выдыхаю и сажусь ровнее.

Неделя основателя. Двенадцатое — восемнадцатое октября. Соревнования домов, выставки, открытые тренировки, в субботу благотворительный вечер в парадном зале. Выпускники, доноры, спонсоры. Astorn Technologies висит на баннере у входа каждый год, потому что мой отец любит, когда его фамилия светится на подобных мероприятиях.

Я вхожу в организационную группу от футбольной команды второй год. Через меня идёт согласование сцены и оборудования. Я сижу на этих встречах с начала семестра, зеваю и подписываю то, что мне приносят.

Афиши, которые я видел по всему кампусу весь сентябрь, оказывается, делала она. Навигацию, программки, оформление сцены — всё она. И композицию для финального вечера, что бы это ни значило, тоже она.

Всё это время Бэмби была рядом.

Я закрываю ноутбук, откидываюсь на кровать и устало растираю лицо ладонями, пока в голове складывается пазл.

Ей нужно сдавать работы, получать подписи, бронировать залы и успевать в сроки. Каждый раз это делает какой-нибудь человек.

Я знаю всех этих людей.

Что я могу ей испортить?

Оценки — нет. Медицинские справки — нет. Камеры, личные дела, общежитие — тоже нет. Это процедуры, в них лезут только дураки, и заканчивается всё разбирательством, где фамилия работает против тебя, а не за. Я два года смотрю, как Раф не понимает этой разницы.

Я ничего не собираюсь ломать.

Я собираюсь быть везде, где у неё что-то согласуется. Пусть сроки двигаются сами, пусть правки приходят противоречивые, пусть зал окажется занят. Пусть она каждый день сталкивается со мной там, где у неё идёт что-то не так.

Я позволю её милой головушке провести логичную цепочку.

А потом пусть скажет мне в лицо, кто из нас самодовольный индюк.

Мне не нужны извинения. Мне нужно, чтобы она поняла, с кем вчера разговаривала.

Или чтобы она на тебя посмотрела.

Я открываю ноутбук обратно.

* * *

09:58 | Суббота, 26 сентября 2026 | Нортклифф, элитный корпус M2, квартира близнецов | +12°C, пасмурно

— Ка-а-ас.

Я не отвечаю.

— Кастизель Асторн.

— Что.

— Желание.

Я устало закрываю глаза. Боже, дай мне исчезнуть куда-нибудь, желательно на другую планету.

— Раф.

— Желание! Ты проиграл, не забывай. Хотя мне в радость тебе напоминать. — Голос довольный. Он орёт из своей комнаты и совершенно точно лежит. — Неси кофе.

— Иди сделай себе кофе.

— Не могу. Я победитель, король, император. Короли не ходят по таким пустякам.

— Ты в двух метрах от кухни.

— В четырёх. И это принципиально. Не беси меня, мой верный раб.

Я встаю.

Я мог бы не идти, он поорал бы минуты три и забыл. Но я проиграл, а правила у нас с двенадцати лет одни, и если я начну отменять их там, где мне неудобно, он будет вспоминать об этом до конца жизни или делать так же. По итогу это не очень выгодно.

Я иду на кухню, ставлю чашку под рожок и жду, пока кофемашина проснётся. Без сахара, с двумя ложками того отвратительного сиропа, который он таскает из города каждый раз, когда мы туда едем. Себе я не делаю: руки и так подрагивают.

Приношу чашку. Он лежит поперёк кровати в одних трусах, одна нога на стене, телефон над лицом, в комнате пахнет его духами и вчерашним баром.

— Поставь на стол, — говорит он, не глядя.

— Я сейчас на тебя вылью.

— Грубо. — Он садится, забирает чашку, пробует. — Нормально. Можешь идти.

Я разворачиваюсь. Тогда он ставит чашку на стол, подскакивает с кровати и идёт за мной.

— И куда ты?

— Посмотреть, чем ты занят с семи утра. Так скажем, осмотр всех владений.

— Я ничем не занят.

— Я знаю, что ты не спал. У тебя стены тонкие. — Он заходит в мою комнату первым, специально толкая меня плечом. — Я слышал, как ты вставал четыре раза.

Я совсем забыл, что оставил ноутбук открытым на полу, и не успеваю его закрыть. Раф останавливается рядом, наклоняет голову и смотрит на экран с хитрой ухмылкой, будто увидел алмаз.

— Так, — говорит он.

— Это не то, что ты думаешь.

— Я пока ничего не думаю. Я наблюдаю.

— Раф.

— У тебя открыто портфолио девочки, которая вчера назвала тебя индюком при тридцати свидетелях. — Он садится на корточки и щёлкает языком. — Десять утра. Суббота. Братик, это шикарно.

— Я проверял кое-что по неделе основателя.

— Ага.

— Оформление делает она. Это рабочий вопрос.

— Ага. — Он листает страницу в моём ноутбуке своим пальцем. Нужно будет протереть экран. — Рабочий вопрос, у которого ты открыл двадцать две картинки.

Я резко выдёргиваю ноутбук из его хватки и закрываю.

Раф садится на пол, прислоняется к шкафу и смотрит на меня так, будто у него появилась ещё одна карта в руках.

— Ты правда будешь ей мстить, — говорит он, и это не вопрос.

— Я не буду ей мстить. Мстят проигравшие.

— О-о-о. — Он прищуривает глаза. — Это даже лучше мести. И как это называется?

— Это называется, что она будет работать со мной три недели, и за это время поймёт, что сделала ошибку.

— Господи. — Он ржёт и откидывает голову к шкафу. — Ты это сам придумал или у вас на экономике учат так разговаривать?

— Уходи.

— Нет, подожди, я хочу понять. — Он выпрямляется. — Девочка облила тебя шотом. Случайно. Потом ты десять минут объяснял ей, какой ты опасный, а она в ответ объяснила тебе, кто ты.

— Раф.

— И теперь у тебя из-за неё дёргается зелёный глаз в субботу утром.

— У меня ничего не дёргается.

— Дёргается. Карий нормальный, зелёный дёргается. — Он показывает на меня пальцем. — Так было всегда. Мама по этому определяла, кто накосячил из нас двоих.

Я трогаю бровь и опускаю руку.

Раф снова ржёт.

— Как её зовут? — спрашивает он.

— Не твоё дело.

— Ну надо же, — говорит он и очень медленно улыбается.

— Это рабочий вопрос.

— Это уже не рабочий вопрос, бро. Это что-то другое, и я даже не знаю, как это называется. — Он встаёт, потягивается, хрустит шеей, сначала вправо, потом влево. — Знаешь, я собирался тебя пожалеть. Честно, всю ночь собирался.

— Ты всю ночь спал.

— Я собирался во сне.

Он идёт к двери и останавливается в проёме, постукивая костяшками по наличнику.

— Но теперь не буду. Это слишком смешно. Это самое смешное, что случилось со мной в этом семестре, а у меня, напомню, ещё куча желаний.

Дверь он не закрывает.

Пещерный человек.

* * *

13:26 | Суббота, 26 сентября 2026 | Нортклифф, тренировочная база, раздевалка Crownmere | +14°C, ветер с моря

Тренировка прошла плохо.

Дело не в результате, с этим всегда всё нормально: четыре гола из пяти. Плохо по тому, как я её провёл.

Я опоздал на разминку на четыре минуты. Не услышал первую команду и пришлось переспрашивать. На стандартах дважды ушёл не в ту зону, потому что думал о согласовании сцены парадного зала.

Тренер ничего мне не сказал. Он подошёл на втором повторе, постоял рядом, посмотрел, как я встаю не туда, и ушёл к защитникам. Мне этого хватило, чтобы понять, что я обложился в его глазах. Обычно я не такой рассеянный, и он это знает лучше меня, а состав на следующий матч он объявит в среду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.